

КОГДА В ДУШЕ ПОЭЗИЯ ЗВУЧИТ...

ПРОФЕССОР ЛИДИЯ ПЕТРОВНА РУПОСОВА

(14.06.1941 – 29.01.2021)

*Пушай биограф учит светочи одни,
Пушай историк даты зазубрит,
Они не знают, что такое счастье,
Когда в душе поэзия звучит.*

Из стихотворного наследия
«великого русского поэта»

От нас навсегда ушёл особенный человек – жизнелюбивый, самобытный, потрясающе начитанный, с искромётными шутками и репризами, великолепный преподаватель, лекции и доклады которого на научных конференциях поражали глубиной и экспрессивностью преподнесения, – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания МГОУ в 1995–2015 гг. Лидия Петровна Рупосова.

Острая на язык и такая «непослушная» для всех бюрократических систем... Филологическая экзотика – сказали бы сейчас. В ней жили удивительная вера в науку и бесконечная преданность своему любимому делу – славистике. Лидия Петровна была последней настоящей носительницей этой классической области знаний в МГОУ, истоки которой находятся в трудах почтенных патриархов словесно-

сти – А. Х. Востокова, И. И. Срезневского, Ф. И. Буслаева и А. А. Шахматова. Она всегда очень дорожила старыми академическими традициями и до конца дней не расставалась с высокими культурными ценностями филологии – науки, сподвигнувшей её на учительство.

Лидия Петровна Рупосова родилась в подмосковном Зарайске и однажды вспоминала, что в их школе преподавала русский язык родственница того самого академика В. В. Виноградова, которого позднее молодая студентка увидела в стенах филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова на Моховой. Именно там у неё возник интерес к славянским языкам. Она застала цвет отечественной филологии: Н. К. Гудзия, С. М. Бонди... На филфаке Л. П. Рупосова познакомилась с будущим научным руководителем и своей путеводной звездой – тогда доцентом,

а впоследствии известным профессором Николаем Андреевичем Кондрашовым, дружбу с которым она пронесла через всю жизнь. Лидия Петровна так вспоминала о студенческом времени: «Мы только поступили на первый курс отделения славистики МГУ. Он преподавал нам введение в славянскую филологию и заставлял много читать и собирать свою библиотеку. Н. А. Кондрашов говорил нам: “Год проучились – пора читать на других языках”».

Она вспоминала, как необычно складывалась практика, в течение которой студенты записывали живой говор носителей языка и нередко попадали в непростые ситуации, из которых выходили без труда благодаря мудрости и природной смекалке их руководителя: «У нас интересно проходили диалектологические экспедиции. В 1962 г. мы ездили с Николаем Андреевичем в Закарпатье. Всего было нас восемь студентов-словакистов и четверо сербов. Принимал нас Ужгородский университет. А жили мы в деревне недалеко от границы: Н. А. Кондрашов с мальчиками в одном доме, а мы – в другом. Помню, записывали речь местных жителей, речку под Мукачево... Очень красивые места! В какой-то из дней он поехал с ребятами на разведку к границе со Словакией в деревню, а потом нас туда повёз и сказал: “Не говорите, что едем на границу”. Мы шли прямо вдоль разделительной полосы. Потом вернулись обратно в деревню. А на следующий день приехал пограничник на лошади. Говорит: “Покажите ваши каблукы! Они искали какого-то преступника... У нас всё обошлось”».

Лидия Петровна в воспоминаниях о своем учителе, пожалуй, рассказала и немного о себе: они были в чём-то похожи с Николаем Андреевичем, и это родство душ двух незаурядных славистов было налицо. Вот как она говорила: «Пятая [его] черта – честность и, как бы мы сейчас сказали, креативность мышления. Он предлагал своим ученикам очень интересные и неизбитые темы исследований. Никогда не стоял на месте. Николай Андреевич считал,

что славист должен знать языки, и вёл в МОПИ занятия по польскому и чешскому.

Конечно, отмечу его потрясающий юмор. Он мог молодым девкам сказать: “Выпейте по-старушечьи” – в этом весь Кондрашов! Он был кусачий – прямо говорил о человеке.

Ещё одна редкая черта Николая Андреевича как человека и учёного такого: он был очень надёжным во всём. Если у меня случалось какое-то несчастье или надо с кем-то посоветоваться, ему всегда можно было довериться. Он никогда не предаст»¹.

За ним она перешла в МОПИ имени Н. К. Крупской и проработала у нас 50 лет, с 1965 г., вначале на кафедре немецкого языка факультета иностранных языков, затем на кафедре русского языка и позднее, после реформирования вуза, на новой кафедре истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии.

Тема кандидатской диссертации Л. П. Рупосовой «Русско-словацкие языковые связи: на материале словацкого литературного языка» (М., 1969) была новаторской и подтверждала идеи Н. А. Кондрашова и других учёных об особом статусе этого языка, его культурных параллелях с родственными славянскими письменностями.

Лидия Петровна и в науке всегда шла своим путём: искала и находила нетривиальные темы, могла загореться любой интересной идеей и тут же размышлять об этом – только успевай записывать (дома у неё была хорошая профессиональная библиотека слависта). Поражает разнообразие и широта её исследовательских поисков: от истории русского литературного языка и народной культуры западных славян до ономастики, этнолингвистики, изучения названий минералов и планет, языка художественной литературы, концептологии и

¹ Подробнее см.: Н. А. Кондрашов: педагог, учитель, личность: штрихи к портрету слависта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 5. С. 211–212.

грамматики, от эстетики текста до средневековой письменности и анализа мифопоэтических традиций... Достаточно упомянуть её работы, опубликованные в МГОУ в недавние годы, чтобы понять смысл педагогической и научной деятельности Лидии Петровны: «Концепт “синтаксис” в логиках и грамматиках конца XV–XVIII вв.» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 3. С. 28–33), «*Homo sapiens* в источниках отечественного средневековья» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 1. С. 24–28), «История междславянского языка» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 1. С. 51–56), «Русины и русинский язык: история и современность» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 91–96), «Артионимы и экфрасисы как элементы языковой игры в романе И. Ильфа и Е. Петрова “Золотой телёнок”» (Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 3. С. 1–11). Во всех трудах чувствуется её удивительная языковая личность: полемичная, по-академически разборчивая, знающая источники и влюблённая в сюжеты своих научных «рассказов».

На книжных полках дома лежат несколько сшитых «тетрадей» её учебных пособий: «Сборник задач и упражнений по введению в языкознание» (М.: Просвещение, 1985; 1991), написанный вместе с Н. А. Кондрашовым и Л. Ф. Копосовым; «Формирование терминологии гуманитарных наук в русском литературном языке» (М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1987); «Историческая грамматика русского языка. Историческая лексикология. Часть II. (Московский период)» (М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990), подготовленные в соавторстве с Э. Н. Болониной и Н. А. Кондрашовым, и некоторые другие.

Последней её книгой стало учебное пособие «Введение в славянскую филоло-

гию» (М.: ИИУ МГОУ, 2008), написанное в содружестве с С. И. Щербиной. Для неё это была родная стихия, которую она знала искони и могла почти надиктовывать имена, параграфы книг, события в мире филологии, помнила наизусть тексты на славянских языках.

Лидия Петровна всегда откликалась на новые темы – видела здесь своего рода шахматную партию – одолеет соперника или нет (только этим *alter ego* являлась она сама). Удивительно, но ей по силам были любые филологические повороты и препятствия. Так, очень интересны её наблюдения на тему «Структурность и лексическая содержательность публицистических источников периода Великой войны (1914–1915 гг.)», включённые в коллективную монографию «Первая мировая война в художественно-эстетическом осмыслении современников» (М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 70–111).

На занятиях она как бы размышляла со студентами, сама проговаривала стихи для анализа, слушая их ритмику, и отчаянно пыталась научить нас понять, где же находится та самая «петля Жирмунского». Этот предмет назывался «Лингвистический анализ художественного текста»: море эмоций, живой эксперимент, которым она хотела разбудить юных филологов, привыкших к морфемам и аористам, а здесь нужно было развивать в себе чувство языка – видеть его дух сквозь строки поэтических образов.

А ещё любимые ею «ИРЛЯ» (так она называла «Историю русского литературного языка»), которая по-рупосовски приобрела новые грамматические признаки: *ИРЛЁЙ*, на *ИРЛЮ*, – «Введение в славянскую филологию», «Лингвистическое краеведение», «Введение в теорию коммуникации»... И недавно включённая в план «Психолингвистика» её профессионально интересовала как наука, где можно *творить*. Она даже составила свой сайт: <http://ruposova-lidiy.narod.ru>. Он был предназначен для студентов и содержал программы указанных курсов, хотя ей это было сделать непросто.

Особенно любила работать Лидия Петровна по субботам с заочниками. Это был её мир вечно суетливых, таких обходительных, порой надоедливых (но это ей, напротив, нравилось), любознательных и очень непосредственных слушателей, из которых она лепила филологов.

Её лекции были необычны и по стилю изложения, и по содержанию. Л. П. Рупосова, подобно философам-славистам XIX в., разговаривала со студентами и удивляла их историями из мира науки, редкими именами, которых не найдёшь в учебниках, своими парадоксами и «теоремами». Это не было похоже на стандартные лекции «под запись», где всё четко разложено по полочкам. Она в один миг могла выдать какой-нибудь необычный сюжет, задать оригинальный вопрос, спросить почти по-кондрашовски: «Что вы читали?», – иронически улыбнуться и пожурить.

Какой мы её запомнили?..

Бесконечно обаятельной в своём чувстве слова и иронии. Ко всему – к новым модным течениям в науке, которые она неохотно признавала, но всегда ими интересовалась; к образам в литературе как источнику развития филологического вкуса; к безбрежному миру поэзии и природы... К любви, которой ей так не доставало... Это часто проявлялось даже на бытовом уровне общения: к рядовому студенту, аспиранту или лаборантке кафедры она могла обратиться в зависимости от настроения со своим неизменным «дева» или «девка».

Она окружала себя интересными людьми, часто ездила на конференции и была там первой среди равных. Ей нравился этот исследовательский «ажитаж»: сборы, дискуссии, поездки по памятным местам, встречи с коллегами из разных городов – они её все давно знали и любили. Там Лидия Петровна раскрывалась и блистала метафорами, щедро раздавала советы и была готова всем помогать – просто так.

При внешней шумности (вокруг неё всегда было много студентов, преподавателей, она не пропускала студенческих

праздников, вечеров встречи выпускников...), мне всегда казалось, что Лидия Петровна – очень одинокий человек. Оттого непонятная для некоторых «колкость ума» и строптивость характера, прямота душевных чувств и какая-то непохожесть на мир успешных людей, у которых всё сложилось так, как надо: семья, дом, дети... Кому-то с ней было непросто. Для нас, всех, кто её любил, эти крапинки её противоречивой темпераментной природы превращались в россыпи старинных золотых монет. Каждая из них – словесный самородок, необыкновенная стилистическая фигура, антитеза или, напротив, высокий славянизм. Ей были подвластны все жанры и формы речевого выражения. Она была украшением наших филологических застолий и даже гордилась тем, что может выдать «эдакое».

Особенно она любила выступать на Дне славянской письменности, к которому готовила каждый раз новое произведение. Последние годы у неё получались грустные, с элегической интонацией стихи. В них всё ещё бурлила кровь мятежной наследницы былых времён:

*Не верьте, большие слависты,
Что всё, что вы сделали, – даром!
Что духом объаты нечистым
Славяне под чёрным пиаром.*

*Что главное в жизни дензнаки
Любою ценой, побыстрее...
Пока не закрыты филфаки
Жива всеславянства идея!!!*

Она тихо ушла из университета, никогда не жаловалась на обычную пенсию и лёгкие земные заботы (мы, её коллеги, кто имел совесть видеть это, по мере сил помогали и навещали Лидию Петровну), любила слушать университетские новости и вообще была в курсе всех современных событий. Подумать только, она выписывала «Новую газету»! Читала детективы на досуге и страстно смотрела биатлон. Изредка выходила на крыльцо своего небольшого уютного домика в Клязьме...

Обычные некрологи начинаются перечислением «заслуженностей», трудов и с набившего оскомину словосочетания «вклад в науку». В этом мы постарались сказать больше о человеческой душе, отчасти в чём-то нераскрытой и непонятой, но искренней, ранимой, живой, светлой и вдохновенной – недаром на наших капутниках она себя в шутку называла «великий русский поэт».

Её стихотворные миниатюры, написанные на клочках бумаги, как потрёпанные временем берестяные грамоты, были рассеяны когда-то по улицам и площадям древнего посада литфака МОПИ–МПУ–МГОУ, а затем, спустя годы, почти заживо погребены под толщей песка земного беспамятства. Они чудом сохранились в наших воспоминаниях и редких архивных находках, которые по силам разыскать только «знатоку уставов монастырских».

*Среди однообразных серых буден
Приходит творчества высокий час.
Но главное, что рядом оказались люди
Из тех, кто не обманет, не предаст...*

Лидия Петровна обожала непоказное творчество, ценила дружбу, не любила подхалимства, могла прямодушно, не таясь, сказать всё, что накипело на душе, и тут

же быстро отходила. Она неистово спорила, признавала тех, кто «глубоко копает», обладала действительно очень широкими знаниями по истории славистики (владела несколькими языками), была знакома с выдающимися лингвистами (например, с академиком О. Н. Трубачёвым) и вхожа в их дома не ради карьеры... Собственно, карьерой она никогда и не занималась, хотя написала докторскую диссертацию и могла её успешно защитить... Она жила для своих аспирантов, воспитывала незнаек-студентов, не раз дерзила начальству – была яркой, независимой, со своими принципами, и всегда знала цену настоящей личности.

Думается, что о Лидии Петровне Рупосовой можно было бы написать целый рассказ или даже сочинить по её художественным интонациям небольшую повесть или поэму – настолько характерной и неповторимой она была. Она выделялась в любой учёной среде, и каждому филологу, встретившемуся на её пути, могла найти меткое определение и поставить его в нужный ряд, потому что видела человека насквозь. У неё были своё высокое предназначение в жизни и гордая, чувствительная, благородная душа, не закрытая для благодати Святого Духа.

Вечная ей память!

Никитин Олег Викторович

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Никитин Олег Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Московского государственного областного университета;
e-mail: olnikitin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oleg V. Nikitin – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of History of the Russian Language and General Linguistics, Moscow Region State University;
e-mail: olnikitin@yandex.ru